

DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-34-43

Научная статья / Research Article

Идея церкви как наилучшего общественного устройства: Ф.М. Достоевский и Вл.С. Соловьев

Е.В. Бессчетнова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Российская Федерация, Москва, 101000, ул. Мясницкая, 20,
ebesschetnova@hse.ru

Аннотация. Представлена в статье реконструкция взглядов Ф.М. Достоевского и Вл.С. Соловьева на характер отношений церкви и государства. Проведена линия взаимного влияния мыслителей в контексте восприятия христианской истины. Показано, что Ф.М. Достоевский находился под впечатлением серии лекций Вл.С. Соловьева «Чтения о Богочеловечестве» и перенял из них идею о возможности религиозно-нравственного совершенствования не только отдельно взятой личности, но и общества в целом. В статье показано, что не без влияния Вл.С. Соловьева Ф.М. Достоевский приходит к славянофильской идее соборности и невозможности спасения вне церковного общения, при этом говоря о Церкви как экклесии, то есть собрании верующих. Автор статьи показывает, что софийные и мистические моменты в романе «Братья Карамазовы» появляются при непосредственном влиянии на Ф.М. Достоевского «Чтений о Богочеловечестве» и совместной поездки мыслителей в монастырь Оптиной Пустынь. Также отмечается, что в романе «Братья Карамазовы» была высказана идея о постепенном вращении государства в истину Церкви. Вл.С. Соловьев продолжил эту линию в рамках своего проекта свободной теократии в 1880-е гг., развивая мысль Ф.М. Достоевского — о Церкви как наилучшем общественном устройстве. Одновременно в статье показана принципиальная позиция обоих мыслителей на противопоставление идеала социализма и идеи христианской общности, в рамках которой по-новому рассмотрен термин Ф.М. Достоевского «русский социализм», сформулированный в «Дневнике писателя». Автор показывает, что Вл.С. Соловьев в своей работе «Три речи в память Достоевского» первым пояснил термин «русский социализм» именно через понятие христианской общности.

Ключевые слова: Церковь, государство, теократия, христианство, социализм, истина, русская философия, русский социализм, Богочеловечество

Информация о финансировании и благодарности. Статья подготовлена в рамках исследования с привлечением средств гранта Президента Российской Федерации МК-3702.2019.6 «Экуменистические проекты русских мыслителей второй половины XIX в. — начала XX в.» Соглашение № 075-15-2019-1164 от 31.05.2019.

© Бессчетнова Е.В., 2021

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

История статьи:

Статья поступила 24.08.2020

Статья принята к публикации 20.10.2020

Для цитирования: Бессчетнова Е.В. Идея церкви как наилучшего общественного устройства: Ф.М. Достоевский и Вл.С. Соловьев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2021. Т. 25. № 1. С. 34—43. DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-34-43

The Idea of the Church as the Best Social Structure: F.M. Dostoevsky and V.S. Soloviev

Elena V. Besschetnova

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskay st., 101000, Moscow, Russian Federation,
ebesschetnova@hse.ru

Abstract. The article presents the reconstruction of the views of F.M. Dostoevsky and V.S. Solovyov on the nature of relations between church and state. A line of mutual influence of thinkers in the context of the perception of Christian truth is drawn. It is shown that Dostoevsky was impressed by a series of lectures by Solovyov's "Readings on God-manhood" and adopted from them the idea of the possibility of religious and moral improvement not only of an individual, but of society as a whole. The article shows that not without the Solovyov's influence Dostoevsky arrives at the Slavophil idea of *sobornost* and the impossibility of salvation outside of church communion, while speaking of the Church as an ecclesia, that is, an assembly of believers. The author of the article shows that the sophistic and mystical moments in the novel "The Brothers Karamazov" appear under direct influence on Dostoevsky's "Readings on God-manhood" and a joint trip of thinkers to the Optina Pustyn monastery. It is also noted that in the novel "The Brothers Karamazov" the idea was expressed about the gradual growth of the state into the truth of the Church. Solovyov continued this line within the framework of his project of free theocracy in the 1880s, developing the thought of F.M. Dostoevsky — about the Church as the best social order. At the same time, the article shows the principled position of both thinkers on opposing the ideal of socialism and the idea of the Christian community, within which the term "Russian socialism", formulated in the "Diary of a writer". The author shows that Solovyov in his work "Three speeches in memory of Dostoevsky" was the first to explain the term "Russian socialism" precisely through the concept of the Christian community.

Keywords: Christianity, theocracy, truth, church, state, Russian socialism, Godmanhood, Russian philosophy

Funding and Acknowledgement of Sources. The article was prepared as part of the research with the help of the grant of the President of the Russian Federation MK-3702.2019.6 "Ecumenical projects of Russian thinkers of the second half of the XIX century—the beginning of the XX century" Agreement No. 075-15-2019-1164 of 31.05.2019.

Article history:

The article was submitted on 24.08.2020

The article was accepted on 20.10.2020

For citation: Besschetnova E.V. The Idea of the Church as the Best Social Structure: F.M. Dostoevsky and V.S. Soloviev. *RUDN Journal of Philosophy*. 2021; 25 (1): 34—43. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2302-2021-25-1-34-43

Введение

Ф.М. Достоевский и Вл.С. Соловьев познакомились в декабре 1873 г. Достоверным источником о первой их встрече можно считать опубликованное краткое письмо Соловьева к Достоевскому: «Вчера, когда Н.Н. Страхов нашел Вашу записку на столе, я догадался, что это Вас я встретил на лестнице, но по близорукости и в полумраке не узнал. Надеюсь еще увидеться, вероятно осенью буду в Петербурге» [1. С.79]. Сблизились два мыслителя в 1877 г., когда Соловьев недолго жил в Петербурге. Весной 1878 г. Достоевский вместе обер-прокурором Святейшего Синода К.П. Победоносцевым посещал серию публичных лекций «Чтения о Богочеловечестве» молодого философа, которого он уже на тот момент высоко ценил.

Идея христианской общности: путь от «Чтений о Богочеловечестве» к роману «Братья Карамазовы»

В «Чтениях о Богочеловечестве» Соловьев изложил одну из своих ключевых идей о том, что религиозное чувство не может быть отвлеченным от жизни началом. Жизнь наличная должна ему соответствовать и под его силой преображаться. Философ был убежден, что жизнь человека и жизнь человеческого общества должна быть сообразна его вере. Из всех религий Соловьев совершенной религией считал христианство, которое стало для него фундаментом не только его метафизической системы, но и его социально-политических и практических взглядов. Достоевский остался под большим впечатлением от «Чтений о Богочеловечестве» Соловьева и, в частности, от идеи необходимости религиозного преображения наличной жизни не только отдельно взятого человека, как это им было показано на примере Раскольникова в романе «Преступление и наказание», но и всего общества. С.М. Соловьев в своей работе «Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева» отметил, что «с идеей Богочеловечества тесно связан его (Вл.С. Соловьева. — Прим. Е.Б.) проект создания христианской общности. Русское образованное общество, воодушевленное идеалами справедливости, гуманности и свободы, должно осознать их христианский характер и принести в Церковь дар своей деятельной любви. Хотя выражение „христианская общность“ идет от Достоевского, сама идея принадлежит юному Соловьеву, знакомство писателя с которым определило в значительной мере проблематику романа „Братьев Карамазовых“ и вероятно навеяло ему образы Ивана и Алеши» [2. С. 12]. С.А. Кибальник, рассматривая данную линию при анализе романа «Братья Карамазовы», вместо термина «христианская общность» использует термин «социальное христианство», отмечая, что идеи социального христианства «отчетливо звучат в главе „Буди, буди!“»

„Братьев Карамазовых“, в которой герои обсуждают статью Ивана Карамазова о церковно-общественном суде» [3. С. 142].

Также в данной главе представлена одна из ключевых для всего произведения мысль о том, что Церковь есть наилучшее общественное устройство. Собственно, именно так обозначил Соловьев цель романа, вернувшись из поездки с Достоевским в Оптину Пустынь. Философ об этом упоминает в первой части из цикла «Три речи в память Достоевского», где уточняет свое понимание идей писателя. С точки зрения Соловьева мысль Достоевского гораздо точнее проясняет термин «христианская общественность», нежели термин «социальное христианство», который может быть понят ограничено, только в контексте участия христианина и церкви в решении социальных проблем, как это происходило в католицизме, в особенности в период борьбы Западной церкви в середине девятнадцатого века с революционно настроенным социализмом и формирования собственной социальной доктрины¹.

Соловьев под иным ракурсом предлагает взглянуть на понятие «русский социализм» Достоевского. Философ пишет: «Если мы хотим одним словом обозначить тот общественный идеал, к которому пришел Достоевский, то это слово будет не народ, а Церковь <...> проповедуя Церковь как общественный идеал, он выражал вполне ясное и определенное требование, столь же ясное и определенное (хотя прямо противоположное), как и то требование, которое заявляется европейским социализмом. Поэтому в своем последнем дневнике Достоевский и назвал народную веру в Церковь нашим русским социализмом» [4. С. 196]. Соловьев также обозначил принципиальную для него разницу между идеями европейских социалистов, фактически стремящихся к уравниванию всех только по одному материальному принципу и низведению государства и общества до уровня экономической ассоциации, и идеей русского социализма Достоевского, возвышающего общество «до нравственного уровня Церкви как духовного братства» [4. С. 196].

Анализируя степень влияния Соловьева на Достоевского в контексте религиозно-церковного вопроса, Н.К. Боневская справедливо отметила, что «Три речи в память Достоевского» свидетельствует о явном единодушии автора текста с героем, которого он прославляет. Исследовательница пишет: «Вместе с тем в „Братьях Карамазовых“ — вероятно, под воздействием „Чтений“, а также бесед Достоевского с Соловьевым во время паломничества 1878 г. — действительно, присутствуют софийные Соловьевские идеи — теократические (развернутые в диалоги между монахами и паломниками) и мистические (глава „Кана Галилейская“). <...> „Три речи“ — это на самом деле трактат о влиянии Соловьева на Достоевского, а вместе и прикровенный рассказ об их поездке к оптинским старцам» [5. С. 91].

¹ В данном случае речь идет о социальной политике папы Льва XIII, программным документом которой стала энциклика *Rerum Novarum*, которая провозгласила необходимость участия Церкви в решении проблем рабочего класса и признания их прав.

Церковь как наилучшее общественное устройство и опасность социализма

Для Соловьева идея Церкви как наилучшего общественного устройства в 1880-е гг. стала доминирующей. Именно она легла в основу проекта всемирной свободной теократии, который был призван с точки зрения философа решить назревавшие противоречия в европейском обществе. Соловьев писал в предуведомлении к работе «История и будущность теократии»: «История теократии есть ничто иное как исследование того пути, которым Богу было угодно вести человечество к истинной жизни, не нарушая его нравственной свободы» [6. С. 244].

Для Соловьева Церковь — это истинная среда, в которой человек научается и совершенствуется в Любви. Церковь всегда была всемирным образцом истинной жизни, которая сохраняет в настоящем свое прошлое, и даже в будущем возвращается к себе и к своему прошлому. Соловьев полагал, что истинная жизнь реализуется на примере Церкви, которая является связующим звеном между Богом и Природой. В свою очередь, государство, будучи властным институтом, обеспечивающим порядок в обществе, не вмешивается в дела Церкви, не заменяет собою Церковь, а создает такие условия, при которых возможен свободный выбор, свободный личный религиозный опыт и внутреннее откровение, без которого Церковь уже не является Церковью в том смысле, который в это слово изначально вложен, то есть еkkлeсией — собранием верующих. Практически для Соловьева это значило, что государство должно получать руководящую норму не от внешнего приказа духовной власти, а от религиозного убеждения, и именно такое положение дел могло бы стать основой для реализации «христианской политики».

В романе «Братья Карамазовы» в главе «Буди-Буди» звучит аналогичная мысль о том, что государство должно врать в истину Церкви. Старец Зосима произносит слова, которые вполне соотносимы с позицией Соловьева: «общество христианское пока еще само не готово и стоит лишь на семи праведниках; но так как они не оскудевают, то и пребывает все же неизбежно, в ожидании своего полного преображения из общества, как союза почти еще языческого, во единую вселенскую и владычествующую церковь» [7. С. 63], а далее о. Паисий добавляет: «государство обращается в церковь, восходит до церкви и становится церковью на всей земле, — что совершенно уже противоположно и ультрамонтанству, и Риму, и вашему толкованию, и есть лишь великое предназначение православия на земле. От Востока звезда сия воссияет» [7. С.63].

Стоит отметить, что идеи Достоевского и Соловьева о Церкви как наилучшем общественном устройстве во многом возникли как реакция на распространение социалистических убеждений в европейском обществе. Русский социализм Достоевского в сущности был ответом на европейский революционный социализм.

Данная линия в миросозерцании Достоевского появляется еще в период формулировки писателем его «символа веры». 23 января 1854 г. закончился

каторжный срок Достоевского, и он направился на поселение в Семипалатинск. В своей работе «Записки из Мертвого дома» Достоевский описал свое освобождение из острога следующим образом: «Минут десять спустя после выхода арестантов вышли и мы из острога, чтоб никогда в него не возвращаться, — я и мой товарищ, с которым я прибыл. Надо было идти прямо в кузницу, чтоб расковать кандалы. <...> — Ну, с богом! с богом! — говорили арестанты отрывистыми, грубыми, но как будто чем-то довольными головами. Да, с богом! Свобода, новая жизнь, воскресенье из мертвых... Экая славная минута!» [8. С. 129]. В словах главного героя повести Достоевский отразил мотив своего личного экзистенциального переживания, радости долгожданной свободы и ожидания начала новой жизни, совершенно отличной от предыдущей как до каторги, так и во время нее, отличной от тех страданий, через которые ему пришлось пройти, отличной от его личной Голгофы.

Практически сразу после своего поселения в Семипалатинске Достоевский писал Н.Д. Фонвизиной: «Я сложил себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной» [9. С. 118]. Так был сформулирован Достоевским его символ веры о том, что, если даже истина вне Христа, он все равно останется с Христом. Христос — центр его личного бытия. Конечно, для христианского богословия в тезисе Достоевского присутствует принципиальное противоречие, так как Христос и есть истина, Божественный Логос, открывшийся человечеству. Именно этот принципиальный момент лег в основу религиозно-метафизической системы Соловьева. «Человечество, — пишет он, — воссоединенное со своим божественным началом во Христе, есть церковь — живое тело божественного Логоса, воплощенного, т.е. исторически обособленного в богочеловеческой личности Иисуса Христа» [10. С. 291].

В свою очередь у Достоевского присутствует доля сомнения, и его символ веры становится понятен только в контексте другого его утверждения о становлении своей личной религиозности — тезиса о том, что вера в нем через осанну сомнений прошла. Речь, безусловно, идет о сомнениях человеческого разума, классическом сомнении человека рациональной эпохи девятнадцатого века, прошедшего через школу французских просветителей и немецкой философии. Это сомнение человека, который на секунду представляет, что Христа в истории не было, что не было воскресения, что Христос и его Церковь — это конструкт, не имеющий реальной силы в истории, и не способный преобразить наличное бытие, что это иллюзия или простая идея, но никак не истина. Но при этом Достоевский говорит: все равно останусь с Христом, так как в его личном религиозном опыте, в его фактической жизни, именно вера в Него является светом во тьме, это то, что дает ему

свободу и полноту бытия. Христианская идея, воспринятая через страдания, становится фундаментом жизни Достоевского, и всего его творчества.

Но при этом линия возможности «истины вне Христа» у писателя точно также присутствует. В контексте его личной религиозности столп уже найден, но остается вопрос, релевантен ли он для других и для всего общества. Именно с данных позиций Достоевский обращается к анализу социализма. В «Дневнике писателя» за 1873 г. в части «Старые люди», анализируя идеи Белинского и Герцена, он пишет: «он (Белинский — прим. Е.В.) верил всем существом своим, что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстанавливает ее в неслыханном величии. <...> Учение Христово он, как социалист, необходимо должен был разрушать, называя его ложным и невежественным человеколюбием, <...> но все-таки оставался пресветлый лик Богочеловека, Его нравственная непостижимость, Его чудная и чудотворная красота. Но в непрерывном, неугасимом восторге своем Белинский не остановился даже и перед этим неодолимым препятствием» [11. С. 10].

Достоевский подошел к пониманию того, что социализм будет использовать форму христианской идеи. Он в сущности станет двойником христианства. Радикальную сторону новых идей Достоевский блестяще показал в романе «Бесы». Именно с главы «У Тихона» и исповеди Ставрогина живущему в отдаленной келье священнику начинает проявляться оппозиция социалистического идеала и христианско-церковного идеала, который в романе «Братья Карамазовы» будет преобразован в идею Церкви как христианской общности.

В главе «У Тихона» в романе «Бесы» отчетливо прослеживается не только идея о необходимости внутреннего религиозного преображения, но и славянофильская идея соборности и невозможности спасения человека в одиночестве вне церковного общения. Ключевая глава романа представляет собой не публичную исповедь или исповедь одного героя другому, как это было в более ранних романах Достоевского, а исповедь представителю Церкви, духовному лицу, которое направляет Ставрогина к открытию истины в себе: «Подвиг ваш, если от смирения, был бы величайшим христианским подвигом, если бы выдержали. <...> Но я вам предлагаю взамен сего подвига другой, еще величайший того, нечто уже несомненно великое... Вас борет желание мученичества и жертвы собою; покорите и сие желание ваше <...> и тогда уже все поборете. Всю гордость свою и беса вашего посрамите! Победителем кончите, свободы достигнете...» [12. С. 30].

Двойная линия, повествующая о социализме и церкви-государстве, то есть Римско-католической церкви, как главных искушениях человечества, присутствует и в «Поэме о Великом инквизиторе». Достоевский в одном лице Великого инквизитора изображает и социализм, и Рим в тот исторический период, когда сама Римско-католическая церковь объявила идеологическую войну социализму. Напомню, что в декабре 1864 г. папа Пий IX опубликовал энциклику *Quanta cura*, в которой осудил и назвал противоречащими христианскому духу многие идейные течения девятнадцатого века. К энциклике был

приложен документ под названием *Syllabus errorum* (Силлабус), который, по сути, представлял собой перечень самых важнейших заблуждений времени. Силлабус в категорической форме осуждал идеи и концепции, «порожденные эпохой Просвещения: рационализм, либерализм, социализм, коммунизм и, среди прочего, принцип отделения Церкви от государства, а также отрицание права римского первосвященника на светскую власть» [13. С. 13].

Таким образом, папа Пий IX пытался усилить свой авторитет как в духовной, так и светской сфере. Кроме того, Римско-католическая церковь согласно энциклике и Силлабусу оставляла право на применение насилия в случае угрозы со стороны светских движений и правительств. Одновременно папа Пий IX ввел принцип *non expedit*², который фактически запрещал участвовать итальянским католикам в выборах правительства. А.А. Юдахин в своей статье «Достоевский и „Римский вопрос“ (1862—1865 гг.)» показал, что Достоевский в 1860-е гг. уделял значительное внимание вопросу борьбы римских понтификов за сохранение светской власти [13]. Католическая проблематика для писателя была важной частью его историософских размышлений, резюмированных в «Поэме о Великом инквизиторе» и в словах о Паисия, который, определяя основные аспекты идеи о Церкви как наилучшем общественном устройстве, отмечает: «не церковь обращается в государство, поймите это. То Рим и его мечта. То третья диаволово искушение!» [12. С. 63].

Заключение

В сущности, Достоевский проекту Великого инквизитора в форме рационалистического социализма противопоставляет идею русского социализма, который построен на религиозно-мистическом восприятии Христа как истины, а проекту Великого инквизитора как политике Римско-католической церкви противопоставляет чистоту предания и религиозно-мистическое чувство сопричастности истине, сохранившееся, по мнению писателя, в Православной церкви. Именно она призвана со временем стать истинной христианской общественностью, распространиться на всю Россию, а затем на все европейское человечество, то есть, если воспользоваться терминологией Соловьева, реализоваться в рамках идеи Богочеловечества.

Безусловно, Соловьев в свой теократический период разошелся с Достоевским в понимании того, где находится центр церковного единства, и пересмотрел свое критическое отношение к католическому Риму, которое в период написания «Чтений о Богочеловечестве» присутствовало в его взглядах под влиянием Достоевского и старших славянофилов. Философ, разочаровавшись в Православной церкви в России (Греко-Российской церкви) и не видя в ней субъектности в силу ее подчиненности государству и исторической неспособности стать центром объединения, свой взор обращает на

² Нецелесообразно (лат.).

Запад и делает скалой христианского человечества Вечный Духовный Рим. Но при этом не стоит забывать, что в основе проекта всемирной свободной теократии Соловьева лежит идея Достоевского о Церкви как наилучшем общественном устройстве. Это та самая линия, которая очевидным образом свидетельствует о взаимовлиянии двух русских мыслителей, определивших направление интеллектуальных поисков всего грядущего Серебряного века.

Список литературы

- [1] Розенблюм Л.М. Творческие дневники Достоевского // Литературное наследство. М., 1971. Т. 83. С. 9—92.
- [2] Соловьев С.М. Жизнь и творческая эволюция Владимира Соловьева. Брюссель : Жизнь с Богом, 1977. 443 с.
- [3] Кибальник С.А. Спор о Церковном суде в романе «Братья Карамазовы» (Ф.М. Достоевский и Вл.С. Соловьёв) // Проблемы исторической поэтики. 2018. № 2 (16). С. 140—157.
- [4] Соловьев Вл.С. Три речи в память Достоевского // Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. СПб. : Просвещение, 1912. С. 194—227.
- [5] Бонецкая Н.К. Предтечи русской герменевтики // Вопросы философии. 2014. № 4. С. 90—99.
- [6] Соловьев Вл.С. История и будущность теократии // Собр. соч.: в 10 т. Т. 4. СПб. : Просвещение, 1914. С. 243—643.
- [7] Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 14. Л. : Наука, 1976. С. 5—511.
- [8] Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома // Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 4. Л. : Наука, 1972. С. 6—130.
- [9] Касаткина Т.А. «Христос вне истины» в творчестве Достоевского // Достоевский и мировая культура. 1988. № 11. С. 113—120.
- [10] Соловьёв Вл.С. Духовные основы жизни // Собр. соч.: в 10 т. Т. 3. СПб. : Просвещение, 1912. С. 309—423.
- [11] Достоевский Ф.М. Дневник Писателя // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 23. Л. : Наука, 1980. С. 5—125.
- [12] Достоевский Ф.М. Бесы. Глава «У Тихона» // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 11. Л. : Наука, 1974. С. 5—31.
- [13] Юдахин А.А. Достоевский и «Римский вопрос» (1862—1865 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 84. С. 50—64.

References

- [1] Rozenblyum LM. Dostoevsky's creative diaries. *Literaturnoye nasledstvo*. 1971;83: 9—92. (In Russian).
- [2] Solovyov SM. *Life and Creative evolution of Vladimir Solovyov*. Brussels: Zhizn's Bogom; 1977. 443 p. (In Russian).
- [3] Kibalnik SA. Dispute about Church court in the novel "Brothers Karamazov". *Problemy istoricheskoy poetiki*. 2018;2(16): 140—157. (In Russian).
- [4] Solovyov VS. Three Speeches about Dostoevsky. In: Solovyov VI.S. *Collected works in 10 vol*. Vol. 3. St Petersburg: Prosveshenie publ.; 1912. P. 194—227. (In Russian).

- [5] Bonetskaya NK. Forerunners of Russian hermeneutics. *Voprosy filosofii*. 2014;4: 90—99. (In Russian).
- [6] Solovyov VI.S. History and future of theocracy. In: Solovyov VI.S. *Collected works in 10 vol.* Vol. 4. Saint Petersburg: Prosveshenie publ.; 1914. P. 243—643. (In Russian).
- [7] Dostoevsky FM. Brothers Karamazov. In: Fedor Dostoevsky. *Collected works in 30 vol.* Vol. 14. Leningrad: Nauka publ.; 1976. P. 5—511. (In Russian).
- [8] Dostoevsky FM. Letters from Dead House. In: Fedor Dostoevsky. *Collected works in 30 vol.* Vol. 4. Leningrad: Nauka publ.; 1972. P. 6—130. (In Russian).
- [9] Kasatkina TA. Christ outside the truth in Dostoevsky's works. *Dostoyvsky i mirovaya kul'tura*. 1998;11: 113—120. (In Russian).
- [10] Solovyov VI.S. Spiritual foundations of life. In: Solovyov VI.S. *Collected works in 10 vol.* Vol. 3. Saint Petersburg: Prosveshenie publ.; 1912. P. 309—423. (In Russian).
- [11] Dostoevsky FM. Diary of the writer. In: Fedor Dostoevsky. *Collected works in 30 vol.* Vol. 23. Leningrad: Nauka publ.; 1980. P. 5—125. (In Russian).
- [12] Dostoevsky FM. Demons. Chapter "At Tikhon". In: Fedor Dostoevsky. *Collected works in 30 vol.* Vol. 11. Leningrad: Nauka publ.; 1974. P. 5—31. (In Russian).
- [13] Yudakhin AA. Dostoevsky and Roman question (1862—1865). *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitranogo universiteta. Seriya 1. Bogosloviye. Filosofiya. Religiovedeniye*. 2019;84: 50—64. (In Russian).

Сведения об авторе:

Бессчетнова Елена Валерьевна — кандидат философских наук, школа философии и культурологии, факультет гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва, Россия (e-mail: ebesschetnova@hse.ru).

About the author:

Besschetnova Elena V. — Candidate of Sciences (PhD), Faculty of Humanities, School of Philosophy and Cultural Studies, HSE University, Moscow, Russia (e-mail: ebesschetnova@hse.ru).